

ТО ЛИ ПЕРВОЕ, ТО ЛИ ВТОРОЕ

Утро начиналось замечательно! Впрочем, вроде всё как обычно, но где-то там, внутри, я понимал, что в моей жизни наступил новый период. Ну, я, конечно же, представлял, как это будет, но как-то не до конца ещё осознавал, чем для меня обернётся это событие. Ну и как бы событие-то так себе, ничего особенного.

В жизни я не раз с этим сталкивался, а вот на себе испытать раньше не приходилось — то ли недосуг было, то ли время ещё не подошло, скорее второе, а хотелось бы. Другой раз, бывало, как всё зае... замучает, так думаешь: «Скорей бы уже», — а пройдёт некое время, думаешь: «Да ну её в баню, не хочется раньше времени, ведь я ещё о-го-го».

Во-от! А тут — на тебе, грохнуло! Ну прямо как снег на голову, как гром среди ясного неба стукнуло! Ага! Да так стукнуло, что до сих пор не по себе. А впрочем, что удивляться-то? Оно и должно было случиться, время-то бежит, часы тикают. Ага! Сейчас только и смотри, чтоб завод в этих часах не кончился иль чтоб батарейки не сели. Если что — сразу в мастерскую, на ремонт. Там чуть-чуть

подремонтируют — и опять всё вроде ничего. Да! Вот именно, что ничего хорошего в этом нет.

Ремонтники-то ведь у нас не от Бога, а так себе, больше денег потратишь на расходные материалы, а толку мало! Докатались! И всё вроде как бы неплохо, да теперь уже ничего не попишешь, дело сделано, дороги назад нет. Вот и не пойму, то ли грустить и печалиться, то ли жить и радоваться. Скорее второе. А что, я теперь человек свободный, писать не переписать! Я же пенсионер!

СОН БОБРА

Да, нелёгким выдался день у бобра. Уже на протяжении многих лет он возглавлял ЖКХ в нашем лесу. А сегодня уже второй день, как обильно на землю лёг снег. Он лежал белым чистым листом бумаги, и именно на этом листе ему предстояло написать отчёт о проделанной работе и о том, куда потрачены общезверовые денежки.

«Что ни говори, а зима молодец! — подумал бобёр. — Скрыла все недочёты под покров свой белый, и попробуй докопайся теперь до истины! До весны то есть. А там, глядишь, подтопление, река разольётся, или ещё что-то вылезет. Да мало ли на что можно будет списать? На град, на ливень. Уж мы его дело могём, учились не зря. Нам только погодные условия создай, мы такого нарисуем!»

— Кто там? А, выдрочка, моя секретарша. Ну что тебе? Посетитель, говоришь?! Пущай заходит.

«Козёл? Интересно, с чем это он пожаловал?!»

— Что, голубчик, беспокоит вас? Снегу, говоришь, навалило?! Ну навалило — и что? Почистить дороги да тропки? Не пройти, говоришь?! Хорошо, понятно, почистим. Иди, голубчик, иди, мы меры примем.

«Сидел бы дома себе, так нет, шастает. Ходатай мне нашёлся! Без него мы не знаем, что снег лежит. Ну выпал — и что нас подгонять, куда спешить? Наездят, натопчут — поскребём, подчистим, подсыплем, а где и так сойдёт. Чего нам, впервой? Чего напрягаться? Работать надо продуманно.

Меньше сделать, больше списать. А зверью всему не угодишь! То им это плохо, то другое — не набегаешься».

— Тут вот отчёт, чёрт бы его побрал! Скучное это дело.

И, смачно зевнув, нажал кнопку вызова секретарши, в трубке застрекотал её голосок.

— Так! Ко мне никого не пускать, — проговорил он как можно деловитей. — У меня селекторное совещание.

— Хорошо! — ответила выдрёнка. — Что-нибудь ещё?

— Нет!

Бобёр бросил свой взгляд на белый лист бумаги, лежащий на его столе, и напомнил он ему мягкую подушку в белой наволочке. Голова его упала на стол, глаза сомкнулись, и охватил его крепкий сон.

«Чего хотел?» — услышал он властный голос.

Ноги его подкосились, в них образовалась дрожь. Перед ним в мягком, как трон, кресле сидел высокий чиновник — сохатый.

«Дак вот снег...» — пролепетал бобёр.

«Ну, снег и снег, и что?» — бросил ему чиновник и одадил его таким взглядом, что у бобра язык прилип к нёбу, слова комом застыли в горле.

Он с силой глотнул этот ком и выдал из себя:

«Надо бы тропки, дороги почистить...»

«У меня сейчас вся техника задействована, освободится — и подчистим. Сидел бы дома, нечего скакать! Ходатай мне нашёлся! Нечем заняться, что ли? Вас вон ценами как по башке грохнули — небось в шоке?! Вот о чём должна голова болеть! А вы — дорожки, тропки. А! Вы же у нас патриоты! Ладно, потерпим, лишь бы не было войны! А то, что цены на нефть упали, вам по барабану! Хотя что вы с той нефти имете?! И то, что все в кредитах да в ипотеках, что как на крючке у банков, тоже безразлично! Дурют вас, как лохов! Вы с колен не успеваете подниматься, как вас опять роняют на них! Ишь, красивую жизнь захотели! А не обрыпаетесь, голубчики?! Ату! Ату их, чиновнички наши милые! Ату! Сгнобим, заморим! А то ишь — миллионерами все хотят быть, из грязи да в князи! Вам вон свободу дали, кучу прав, свободу

рынка, только успевай пользуйся! Чего? Чего? Ах, да ты ещё и угрожаешь?! А чего ты можешь?! Только вякать. Ой! Он жалобу настроит! Не смей! Да хоть самому! Он далёко, а я близко, я-то кровушки с тебя попою! Ой! Ну ты прям как Америка с санкциями своими! Вы ж, зверьё простолюдное, на большее не способны. Вы вон Лес-батюшку пропили! С потрохами роднёного продали по дешёвке. Вы же только на троих скинуться можете, на большее умишка не хватит. Вы же скорее друг другу морды набьёте, вам ведь только горсточку лишнюю овса сыпани, так вы друг друга, как шакалы, рвать будете! Ой! Храбрец мне нашёлся. Да мало ли ваших таких сгнуло на плахе жизни? И где это ты в лесу нашем богатырей нашёл?! Богатыри — не вы! Плохая вам досталась доля! Вы же разучились права свои отстаивать, всё надеетесь на дядю! А где он, ваш дядя? Не родился или не вырос?! И не вырастет с такими-то. Ой! Голь на выдумку хитра. Вон ухитрились, насажали в Думу депутатов, слуг народа. А они, слуги ваши, трёхсоттысячную зарплату ни за что получают, а ты за двенадцать как як пашешь! Впрочем, кому это я толмачу?! Быдло — оно и есть быдло. Додемократились! Хапнули свободушки, а свободушка капканом оказалась! Правят миром не те, да и не для тех. Так что вали до дому и скули там потихонечку. А то ишь растявкали. Кто-то его тут напугался! Иди и не забудь поблагодарить правительство, Думу нашу за детство „счастливое“, за образование и медицину „бесплатную“! Здоров будь, не кашляй! Привитый, говоришь?! Хорошо, что привитый, знать, ещё не дошло. Ай, кому это я опять?!.. Пшёл! Во-о-он!» — рявкнул сохатый.

Бобёр вздрогнул и проснулся. С его лба на белый чистый лист бумаги капнула крупная капля пота. Бобёр смахнул пот рукавом и нажал кнопку вызова секретарши. Та долго не отвечала — видно, накрутила ноготочки свои и целится, как за трубку взяться. Наконец-то в трубке щёлкнуло, и раздался голос выдрочки:

— Слушаю вас, Бобёр Бобрович.

— Чего долго трубку не брала? Поди, спишь на работе? — прогремел бобёр.

— Да нет, Бобёр Бобрович, воды в чайник наливала, — оправдалась секретарша.

— Вот как раз кстати — кофейку мне принеси, да и этого, как его — ну, кто за снег, за очистку отвечает?

— Лис Патрикеевич, — вставила секретарша.

— Дай его самого. Порасхлябались у меня! Поменьше сделать — побольше получить! — вскипел бобёр и бросил трубку.

ОХОТА ХУЖЕ НЕВОЛИ

Не важно как, не важно где, а в принципе, это с каждым могло случиться. И всё было бы ничего, но Степану приспичило. Ну, занемоглось — и всё тут! Не! Ну, конечно же, можно было бы и потерпеть, но уж очень припёрло, ни дать ни взять. Хотя, конечно, предусмотрити он это заранее, этого не случилось бы так неожиданно, да и не закончилось бы столь трагично. Накануне он выпил «немного», и его растащило. Да он и хотел-то всего на раз, но так случилось, что наутро он проснулся уже женатым. А куда денешься? Охота хуже неволи.

РАСКАЯНИЕ ДЕНИСА ПЕТРОВИЧА

Ну, не сказать, что она была красавица! Была в ней какая-то притягательная сила, так что Денис Петрович не мог себе позволить пустить её по рукам. Он к ней и так, и эдак, а она ни в какую. И тогда, разочаровавшись, он всё-таки решил, что «Тойоту» надо гнать в автосервис.

ОН ЗАНИМАЛСЯ ЭТИМ САМ И СОВЕТОВАЛ ВСЕМ, ПОКА...

Ему не следовало бы этим заниматься. Не зря говорят, что чрезмерное употребление ни к чему хорошему не приведёт. Но Николай Павлович, неправильно ориентированный и увлечённый этим пойлом, был настырен. Он всем говорил, что этот напиток его бодрит, что после его приёма чувствует

себя моложе. Он всем советовал пить это. Дело в том, что это не так затратно и ходить далеко не надо. Но через какое-то время Николай Павлович побледнел, а после вдруг пожелтел. А что он ещё хотел-то? Ведь это же уринотерапия! И без наблюдения врача этим не следовало бы заниматься.

ШУТЛИВЫЙ РАССКАЗ О ДВОРНИКЕ

Убирался дворник на участке своём и ругался на людей срамно, ибо другой речи они не заслуживают и не понимают. Больно били по ушам людей прохожих слова энти, как розга по голому заду. И вдруг понятно стало ему, что задели слова эти людей за живое. Ну кому приятен срам? Да понятно, что все чистоплотные до не могу, только неизвестно коим образом мусор сей на участке образовывается, винюватых нет! И поэтому налетели они на него, окоянные, и отбивался он от них ею, метёлкою, коей мусор убирал. Но волнение в толпе и толпа росли как на дрожжах. Ибо русскому человеку только повод дай кулаками помахать. И пришлось тому ретироваться, дабы не получить лишку.

Народ наш ничем не проймёшь, да и настырен он в сраче. Ибо совесть его прячется далече, да пока проснётся она... И поэтому работа дворницкая бесконечная, хоть и незавидная. «Никогда я не буду безработным!» — так успокаивал себя дворник — и вставал до свету и шёл на участок свой. Где к приезду начальства успевал всё убрать да привести в надлежащее, как подобат. Не посрамил он профессии своей и внёс свою лепту в экологию земли Русской! Ибо любима она им была, как любима Родина, от которой взаимной любви не дождёшься — ибо правит людьми сатана, вносящий смуту в разум человеческий, слабенький до высокого. И не познать людям эдаким, что мусор разбрасывать не только неприлично, но и экологически нехорошо. Что вредимо енто не тока земле-матушке, но и самому человеку! Да и ещё при энтот страдают животные, которые экологически практичней и эстетичнее оного.